

3-43.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ

ФАРМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

МАРКИ

T
12
C

2
7
P

30

ДЛЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО
И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Зверев

М. Д. ЗВЕРЕВ

СТ

3-433

БЕЛЫЙ МАРАЛ

РИСУНКИ
А. БОРИСОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1929

ЛЕНИНГРАД

ЭНДЛ
КБТА
БТИ
3
4

1256D

1967-68 г.

Д, 32. Гиз № 27774/п.
Ленинградский Областлит № 18240.
1^{8/8} л. Тираж 25000. экз.

БЕЛЫЙ МАРАЛ

(Из жизни алтайских маралов ¹).

Родился Цервус в густой чаще кедров Алтайских гор. Над ним сплошным пологом нависла хвоя. Холодный туман, поднимающийся к вечеру с бурной Катуни, не проникал в чащу кедров, и там было прохладно в полдень и тепло ночью.

¹ Марал — алтайский олень. Как и у других с ^{эй,}
рога у него каждый год отпадают и снова отра ^{йт.}
Молодые, незатвердевшие рога называются пан ^{ми}
и дорого ценятся: из них добывают лекарство. ^{гади}
торговли рогами, алтайские крестьяне держат маралов
в полуприрученном состоянии в больших загородках —
маральниках. Рога у маралов для продажи спиливаются,
пока они еще не успели затвердеть.

Диких маралов стреляют на солонцах — местах, где на поверхность земли выступает соль, которую маралы приходят лизать по ночам. Кроме того маралов подкарауливали во время перекочевок с летних пастбищ на зимние в Монголию.

В настоящее время на Алтае оставшиеся немногочисленные дикие маралы не совершают кочевок и живут круглый год в одном районе. Человек вытеснил их на самые недоступные вершины гор, покрытые вечным снегом, — белки.

Свой первый день Цервус неразлучно провел с матерью, с трудом добираясь до ее молока на своих, плохо слушающихся ножках. Большую часть времени он лежал у ее ног, и теплый язык матери ласкал его тельце.

На другой день легким мычаньем мать заставила Цервуса лечь у подножия кедра, а сама выбралась из лесной чащи на прибрежную поляну. Долго стояла она на опушке леса, втягивая ноздрями воздух и прядя ушами. Кругом все было спокойно. Тогда легким галопом направилась она к берегу Катуни и стала утолять свою жажду в ее холодных струях.

Природа берет под охрану свои творенья с самого появления их на свет. Мать знала, что окраска шерсти ее сына должна защищать его от врагов, делать его незаметным среди одинаково окрашенных стволов, камней и сухой травы. Однако, маленький Цервус был необычный мараленок. Цвет шерсти с момента его появления на свет неприятно поразил мать. Мараленок был чересчур светел, почти белый. Поэтому рыжая белка, уронив изо рта шишку и стараясь разглядеть, куда она упала, вдруг заметила у корней кедра маленького Цервуса, который мирно спал. Весь беличий род

отличается любопытством; сгорая от нетерпения, белка спустилась на нижние ветви кедра и, забыв про шишку, начала разглядывать Цервуса. Видя, что тот не двигается, она сбежала еще ниже и, раздув трубой хвост, испустила свой громкий клич „цо-цо-цо-цо“. Цервус проснулся и, подняв мордочку, увидел, как огненной лентой мелькнула вверх по стволу рыжая белка, издавая свое „цоканье“ и соря корой. Чувство страха впервые овладело всем существом маленького Цервуса, и, не видя около себя матери, он жалобно замычал. Чуткие уши матери услышали зов, и, оставив свое пастбище, через минуту она была уже около сына. Вкусное молочко и мягкий теплый язык быстро успокоили мараленка.

Цервус скоро окреп и стал твердо держаться на ножках. Однажды утром мать двинулась через чащу, легким мычанием зовя сына следовать за собой; кедры расступились, и он увидел яркое солнце, зеленый луг, покрытый цветами красными, синими, желтыми, такими яркими и красивыми. Шум и пена Катуни сначала испугали Цервуса; но, когда мать стала пить воду, он тоже подошел поближе и даже попробовал, насторожив

ушки, наступить на быстро несущиеся струи: вода была холодна, и Цервус выскочил на берег, брыкаясь и прыгая по траве.

Прошло еще несколько дней, и мать решилась отправиться в путь. Рано утром она двинулась вверх по Катуни, все время озираясь, нюхая воздух и прислушиваясь. Она шла опушкой леса, перебегая речной открытое пространства. Раздавшийся совсем близко клекот орла заставил ее надолго задержаться под развесистым кедром.

Вскоре их путь пересек след медведя. Сердце матери сжалось от страха,— след был совсем свежий. Только-что примятая трава еще выпрямлялась, и на ней висели капли воды и грязи из маленького ручейка, через который перешел медведь. Он был где-то совсем близко. Бесшумными скачками мать понеслась дальше, а Цервус мчался за ней, напрягая все свои силы, спотыкаясь о камни и корни. Вскоре мать пошла тише, и он мог отдохнуть. Опасность миновала.

Несколько часов шли они, поднимаясь на вершину горы. Наконец, кедры стали реже и ниже, а вместо бурной речки мчался лишь небольшой шумящий поток. Они остановились передохнуть под сво-

дами последних кедров. Дальше простирались открытые склоны гор, усеянные камнями и покрытые зарослями карликовых березок и ив. Еще дальше белел снег. Они были на границе Катунских белков, на десятки верст протянувшихся с запада на восток. Здесь Цервус должен был провести свое детство, вдали от страшных обитателей леса.

Охотник — промышленник Аманчин — ехал белками, и его узкие глаза были злее, чем у самого Эрлика — злого духа Алтайских гор. Вот уже второй день он ездит по лучшим охотничим местам, где всегда водилось не мало коз и маралов, и до сих пор никого еще не встретил. Правда, время было совсем не подходящее для охоты, в начале лета нельзя стрелять зверя, да и трудно найти осторожных маралов, когда у них телята, но разве он один охотится в это время? Разве Аманчин не видел оседланную лошадь и привязанных около нее собак, когда проезжал мимо аила своего друга охотника Муссы?

А зверя с каждым годом становится все меньше и меньше. Много лет тому назад Аманчин первый раз, еще с отцом,

поднялся на эти белки; он хорошо помнит торные тропы, проложенные маралами и козами. Стоило по этим тропам подняться на любой хребет и всегда можно было увидеть на склонах рогатых горных красавцев.

День уже клонился к вечеру, и Аманчин начал подумывать о ночлеге. Вдруг до его слуха донесся лай собаки. По голосу охотник сразу понял, что она лает на зверя.

Оставив лошадь, Аманчин поспешил на лай. Вскоре он заметил рослую самку марала с маленьким теленком, отбивавшуюся от наседавшей собаки. Заливаясь во всю глотку, собака вертелась кругом рассвирепевшей матки и не давала ей бежать, кидаясь на отстающего теленка.

Охотник прополз до самой опушки порослей карликовых березок, дальше шла открытая лужайка. Стрелять было далеко, не наверняка, но медлить тоже было нельзя, так как матка с теленком, отбиваясь от собаки, постепенно удалялась. Аманчин прицелился и рука, незнющая промахов, не дрогнула и на этот раз. Грязнул выстрел и гулко покатился по ущельям. Самка упала на колени, но через секунду она уже неслась вниз по ущелью к опушке леса. Цервус скакал

за ней, а следом мчалась со злым визгом и лаем собака и норовила укусить теленка сзади.

Аманчин побежал к тому месту, где упала на колени самка. Крупные капли крови заставили охотника броситься вслед за собакой. Вскоре он услышал лай внизу в кедрачах. Еще немного и охотник увидел самку; она прижалась к стволу столетнего кедра и отгоняла собаку. Искусанный Цервус стоял у ней под брюхом, вздрагивая от ужаса, а кровь из раны умирающей матери капала на его серебристую спинку... Выстрел грянул совсем близко, и Цервус едва успел отскочить, чтобы не попасть под грузно падающую мать. В несколько прыжков охотник был у кедра и, видя, что самка мертва, бросился к теленку. Но Цервус не побежал. Расставив ножки и опустив голову, маленький Цервус дерзнул вступить в бой с человеком... Но через несколько минут он уже лежал рядом с трупом матери, и волосяной аркан туго стягивал его ножки.

Охотник сразу оценил необычайный цвет теленка и решил продать его за дорогую цену. На спине лошади увезли Цервуса в синеющую далеко внизу долину, в которой жил Аманчин. Цервус чувство-

вал отвращение к коровьему молоку, которым охотник пытался его поить, и питался травой около юрты, но какая она была невкусная и пыльная после его альпийского стола! Одна трава не могла поддержать угасающие силы Цервуса, и он худел с каждым днем. К счастью для себя, он решился однажды попробовать молоко и этим спас себе жизнь.

Целые дни Цервус проводил в загородке для телят, примыкавшей к юрте, и лежал, забившись в кучу коры, запасенной для крыши. Но дети охотника ежедневно выволакивали его из этого убежища и устраивали охоту на „зверя“. Игра заключалась в том, что старший сын Аманчина оттаскивал упирающегося Цервуса от его кучи, а другие наваливали на него пути всякие препятствия — дровни, колоды, жерди. Затем Цервуса отпускали, и он мчался к своему убежищу, легко прыгая через препятствия. В это время на него с боков нападали юные охотники с деревянными ножами, и Цервусу подолгу потом приходилось зализывать свое избитое тельце. А если по пути он за что-нибудь зацеплялся и падал со всего размаху на бок, то игра становилась совсем интересной, и ребята с такими криками бросались на „убитого“

марала, что из юрты, обычно, выходил сам Аманчин, и его грозный окрик: „уч, уч“ заставлял детей поспешно разбегаться в разные стороны.

Несколько раз приезжали к Аманчину гости—алтайцы из соседних аилов. В юрте поднимался шум, несмолкающий всю ночь; около убежища Цервуса привязывали лошадей. Их запах напоминал мараленку его первое путешествие поперец спины коня Аманчина со связанными ногами, путешествие, которое на всегда запечатлелось в его памяти. Кроме того ему пришлось испытать на себе удар копытом одной из лошадей, привязанных около юрты.

Обыкновенно уже ночью Аманчин, разгоряченный водкой, вспоминал про Цервуса и тащил его в юрту к самому очагу, вокруг которого сидело несколько людей, с узкими, налившимися кровью глазами, и стоял такой чад от табачного дыма и очага, что Цервус начинал задыхаться. Грязные, потные руки гладили его серебристую спинку, и гости удивлялись находке Аманчина, пророчили, что внизу, в долине, за теленка дадут большие деньги.

Так, среди волнений и страхов, проходила жизнь молодого мараленка. Нако-

нец, Аманчин стал собираться в долину на продажу своего пленника. Нужно было торопиться: приближалась осень, а это была самая рабочая пора у Аманчина, когда вся семья охотника отправлялась в тайгу за кедровыми орехами, а сам Аманчин уходил со своей собакой на промысел за пушным зверем.

Хозяин маральника сразу оценил редкую находку охотника, но не подал вида и стал давать за мараленка ничтожную цену, уверяя Аманчина, что белый цвет шкуры ничего не значит, и мясо теленка от этого не лучше, панты же будут еще не скоро. Положение охотника было безвыходное. Ехать на другой маральник было далеко, продавать так дешево теленка, за которого он мечтал получить большие деньги, не хотелось. Поэтому, когда хитрый мараловод немного накинул, Аманчин отдал теленка и уехал обратно.

Калитка маральника была открыта. С Цервуса сняли аркан. Он понесся легкими скачками вдоль забора, по дальше от ненавистных людей, в отдаленный конец маральника. А следом за ним, вытянув шеи и насторожив уши, бежали маралы — его полудикие сородичи, томящиеся в плена из-за своих

драгоценных пант. Цервус остановился. Стадо тоже остановилось с подветренной стороны и со строгим любопытством осматривало новичка. Старая матка осторожно подошла к Цервусу, внимательно обнюхала его и, наклонив свою лобастую голову, сделала вид, что хочет боднуть его в бок. Цервус отбежал к ее задним ногам и встал. Старая матка обернулась, опять обнюхала его и, фыркнув, начала щипать траву. Церемония была закончена. Мараленок был принят в ее стадо. Но он все еще стоял на одном месте. Старая матка напоминала ему мать, и детство воскресало в его памяти... Сильный удар в бок чуть не опрокинул Цервуса, но он устоял и повернулся против врага. Молодой мараленок его возраста готовился к нападению. Их лбы со стуком встретились, оба бойца отскочили в стороны, чтобы слететься снова и снова. Старая матка не обращала никакого внимания на драку. Цервус был сложен стройнее и крепче, чем его противник, но долгая изнурительная неволя и неумение драться заставили его обратиться в бегство. Злой мараленок ~~долго~~ еще был его мучителем, пока Цервус не окреп и не одолел однажды своего врага, загнав его к самым воротам маральника.

12560

1174

2 Белый марал.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
НОВАЯ ЛОСТИНСКАЯ
ДЕТСКИЙ ЦЕНТР

Время шло, и наступала зима. Вершины гор уже давно побелели, и снежная пелена опускалась все ниже и ниже. Все маралы испытывали странное беспокойство. Они целыми днями бродили друг за другом вдоль высоких заборов маральника, с тоской посматривая на горы. Их братья, живущие на воле, теперь уже давно бредут горными хребтами туда, в Монголию, где снега почти нет и зима не страшна голодом. Но вот однажды ворота маральника отворились, и алтайская лошадь, не привыкшая к упряжи, ввела воз сена, косясь на маралов, похрапывая и прядя ушами. Воз был свален, и ворота закрылись. Старая матка, жившая в маральнике уже много лет, первая подошла к сену и стала его есть. Все последовали ее примеру. Свежее сено пришлось Цервусу более по вкусу, чем вытоптанная и запорошенная снегом трава маральника.

Зима с ее морозами и снегом показалась Цервусу бесконечной. Когда же повеяло первым теплом, и старые бревна забора покернели от тающего на них снега, у взрослых самцов появились молодые рога, пока еще мягкие, покрытые пушистым мехом и наполненные кровянистой жидкостью. Это были те самые

панты, ради которых содержалось все стадо.

А весна все шла вперед и вперед. Посредине маральника земля уже очистилась от снега и покрылась зеленою травкой.

Вскоре снег остался только около заборов. Кругом весело шумели ручейки, и бешено ревела в своих берегах Катунь, ворочая громадные камни, обдавая брызгами берега.

Высоко в небе то и дело раздавались трубные звуки журавлей, несущихся длинными вереницами на север. В соседнем лесу звон стоял от птичьего пения. Последний воз сена был не доеден и лежал черной кучей посреди изумрудно-зеленою травы.

А панты тем временем росли, наливаясь драгоценной жидкостью. Прикосновение к ним вызывало боль, и молодежи здорово доставалось, когда кто-нибудь, увлекшись свежей травкой, задевал за панты соседа.

И вот, однажды, в середине лета, ворота открылись, и человек десять алтайцев с арканами и кнутами вошли в маральник. Старые маралы уже знали, что значит это посещение, и стали метаться вдоль забора. Люди гонялись за ними, стараясь

отбить от стада рогатого самца. С большим трудом был отделен, наконец, молодой бычок, с еще первыми в его жизни пантами. Его погнали в дальний конец маральника, не давая повернуть назад. В этом месте, вдоль стены маральника, была устроена загородка. Она шла сначала далеко от стены, но затем, постепенно приближалась, оставляя только узкий проход. В этот проход и был загнан марал. Вскоре ему уже нельзя было повернуть назад, и удар кнутом заставил его продвинуться еще дальше. Сзади него между бревнами забора и загородки проснули жерди, и марал оказался в плену. Его голова оказалась ущемленной между двумя бревнами. Хозяин подошел к задыхающемуся от страха маралу и схватил его за молодой, пушистый рог. Резкая боль заставила затрепетать все тело животного, когда маленькая лучковая пилка в руках хозяина начала быстро перепиливать его мягкие рога, у самого основания. Брызнула кровь... Операция длилась не более пол-минуты. Затем, для успокоения животного, на его голову вылили ведро холодной воды, зияющие раны присыпали землей, и марал был выпущен из станка обратно в маральник, чтобы уступить место следующему. Как пуря выскочил

чил он из этого застенка, мотая головой и вращая выпученными глазами.

Наступило лето. Цервус обратился в годовалого бычка, серебристо-серой масти. Слухи о Белом Марале разнеслись по соседним аилам и достигли курорта.

Воздушники¹ и раньше любили приезжать шумными компаниями смотреть на маралов, теперь же они все по несколько раз побывали здесь, и с Цервуса было снято не мало фотографий и сделано рисунков. Все попытки подозвать его поближе не удавались, он обычно забивался в самый дальний угол маральника и смотрел оттуда своими черными, полными ненависти глазами. Старая матка подходила к забору и поедала из рук воздушников весь хлеб, посыпанный солью; предназначенный для Цервуса.

Лето сменилось осенью, и опять раздались высоко в воздухе трубные звуки журавлей, но теперь они уже не были ликующими и радостными, а говорили о страхе перед далекой дорогой, о покидаемой родине. Белые вершины гор опять поползли вниз и покрыли все белой пеленой. Так же, как и в прошлом году,

¹ Местное название приезжих на курорт.

пряла ушами и пофыркивала лошадь, привезшая первый воз сена.

Цервус сделался красивой всего маральника. Его голова с большими черными глазами была всегда гордо поднята над телом, сотканным из железных мускулов. Стойкие ноги, точеные копытца. Но всего красивее была его шерсть. Она была светло-серого цвета и, как серебро, сверкала среди его темных сородичей. У хозяина маральника перебывали все окрестные мараловоды и давали большие деньги за Белого Марала. Но хозяин и слышать не хотел о продаже.

Время шло. И снова в урочный день ворота маральника открылись, и десяток рабочих вошел в них, чтобы подвергнуть мукам обладателей пант.

Один за другим подходили маралы к станку и потом, мотая головой, высекали из станка, с посолевшими от боли и ужаса глазами.

Дошла очередь и до Цервуса. Когда за ним с криками бегали его мучители, махая кнутами, у него не было и тени страха. Он весь трепетал от ненависти. Но вот Цервус загнан в узкий коридор, и за ним бегут с кнутами загонщики. Вдруг резкий запах свежей крови заставил Цервуса внезапно остановиться.

Ноздри его широко раздувались, глаза налились кровью. Молодой марал глухо заревел от бешенства. Он круто повернулся назад и, брызгая пеной, бросился прямо на людей. С дикими криками кинулись загонщики в сторону и полезли на забор. Под внезапной тяжестью нескольких человек тонкие бревна не выдержали и обломились. Алтайцы, как мешки, посыпались по ту сторону забора. Цервус в пылу преследования прыгнул вверх в образовавшийся пролет. Его задние ноги зацепили за вершину забора и он, падая вниз, задел своими мягкими рогами за ветви кедра. Резкая боль стегнула его, и, не думая больше о преследовании врагов, Цервус бросился в лес. Позади него раздался выстрел, и пуля взвизгнула над его головой, но он уже был далеко и, мелькнув несколько раз за стволами деревьев, скрылся навсегда для хозяина маральника.

Все дальше и дальше мчался Цервус по лесу, — туда, вверх, к этим белым вершинам гор звал его инстинкт... Перед ним с шумом и криком поднимались рябчики. Испуганные белки с громким цоканьем взлетали на самые вершины кедров. А Цервус все мчался вперед, прыгая через упавшие деревья и продираясь

через поросли молодняка. Подъем становился все круче, и когда, наконец, лес передел и Цервус выскочил из-под навеса последних кедров на открытое пространство, он остановился, тяжело переводя дыхание и жадно втягивая в себя чистый горный воздух. Он был выше границы леса. Перед ним расстилались альпийские луга Катунских белков — его родины.

Цервус был свободен.

Поздние сумерки опускались на землю. Тени становились все длинней и длинней. Красноватые стволы кедров отбрасывали свои тени на ту сторону быстрой Катуни, уже скинувшей зимние покровы, с шумом несущейся по камням. Голоса птиц замолкли. Уже не слышно было надоедливого крика кедровки, и только одни синички попискивали еще в чаще пихт. По мере того как смолкал лес, шум от потока становился все сильней.

Кажется, ни одного живого существа не было на береговой поляне. Но если бы внимательный наблюдатель взгляделся в густую чащу кедра, стоящего на самом берегу, он наверно заметил бы огромного глухаря, забравшегося сюда на ночь.

лег. Птица спокойно перебирала толстым клювом перья, помятые в драках с другими самцами. Но вдруг что-то нарушило его спокойствие, глухарь вытянул шею и стал прислушиваться. В глубине леса он уловил какие-то звуки. Осторожная птица подобрала крылья и выбралась из окружающей ее чащи на голую ветку. Лесные жители легко узнают друг друга. Глухарь скоро понял, что это идет запоздалое стадо диких маралов из далекой Монголии, где оно проводило зиму. Но вот среди стволов, в наступивших сумерках замелькало что-то светлое. Глухарь с тревожным коканьем замахал крыльями и поднялся над лесом. Необычайный цвет марала напугал его. Но на этот раз старый бородач ошибся. На поляну вышло стадо маралов, но их вожак был необычайной, серебристо-серой масти. Громадного роста, с толстой шеей и стройными ногами, он казался властелином стада.

Выйдя на поляну, Цервус остановился. Все стадо мгновенно замерло в неподвижных позах, следя за малейшими движениями вожака, а он стоял, насторожив уши и жадно втягивая воздух.

Там, наверху, на много верст протянулись Катунские белки — его родина.

Сегодня ночью опасный путь будет кончен, и он приведет стадо на безопасные пастбища. Цервус боялся леса и только в крайних случаях спускался в долины, которые пересекали его путь. Он знал, что люди спят ночью, поэтому все переходы маралы делали по ночам, лежа днем в каком-нибудь безопасном убежище. Так и теперь, весь день они провели в болоте, поросшем мелким лесом, и только в сумерки Цервус решился двинуться в путь.

Громко фыркнув, Белый Марал смело подошел к речке и вошел в нее. Белая пена сразу окутала его бока, но он уверенно побрел наискось течения. Стадо следовало за вожаком, и вскоре все были на том берегу, скрывшись в наступившей темноте.

Только перед рассветом маралы поднялись до границы леса. Цервус был очень осторожен и часто подолгу стоял на одном месте, прислушиваясь к малейшим шорохам и жадно вдыхая воздух. Убедившись в безопасности, он успокоительно фыркал и двигался дальше. Маралы, как тени, следовали за ним.

Вдруг запах свежего конского следа достиг до чуткого носа Цервуса и заставил его остановиться, как вкопанного.

Другой марал, пожалуй, не обратил бы на след совсем никакого внимания. На белках им нередко встречались табуны лошадей, отпускаемых из долин на альпийские пастбища на все лето без всякого присмотра. Но у Цервуса с этим запахом было связано слишком много воспоминаний.

Цервус предупреждающе фыркнул. Безмолвное стадо совершенно замерло. Можно было находиться в десяти шагах от маралов и не слышать ни единого звука. Тяжелое дыхание и пофыркивание от крутого подъема прекратились. Не двигался ни один мускул. Все стадо окаменело, только широко раздувались ноздри, да горели глаза, впившиеся в белевшую в темноте фигуру вожака. С тревожным фырканьем Цервус метнулся в сторону, и громкий треск пошел по всему лесу от мчавшегося за ним стада...

Пройдя стороной несколько верст, Цервус решился выйти на тропу, и долго он опять безмолвно стоял и втягивал в себя воздух, а маралы, вытянувшись длинной лентой, тревожно ждали. Уже совсем рассвело, когда они поднялись, наконец, на свои летние пастбища. Опасный путь был окончен.

Старый охотник Аманчин и его друг Мусса знали обычаи маралов не хуже самого Цервуса, и они уже не одну ночь провели около троп маралов на горных хребтах, ежась от холода и жадно прислушиваясь, не возвращаются ли маралы со своих зимовок в Монголии. Так и эту ночь Аманчин провел безуспешно на своем посту у начала Катунских белков на горной тропе маралов. Когда охотник, голодный и злой, возвращался утром домой, вымешая на коне свою досаду, он вдруг наткнулся на свежий след прошедшего ночью стада маралов. Долго стоял на месте Аманчин и никак не мог понять, что могло испугать маралов и заставить свернуть с тропы.

Он слез с коня и начал исследовать следы. Так и есть, огромные следы воожака резко выделялись среди других следов стада. Он сразу узнал эти следы. Недаром вот уже несколько лет ходит по ним Аманчин в тщетной надежде убить своего бывшего воспитанника. Теперь он не продал бы его за бесценок. Приезжий воздушник, вот уже третий год останавливающийся на курорте в долине, обещал ему за шкуру и рога Белого Марала такие деньги, о которых Аманчин не смел и подумать.

Но Цервус был неуловим. Лето он проводил в одиночестве, как и все взрослые самцы, на самой границе снегов, и его светлая шкура сливалась с серыми скалами и снегом. Хитрый марал не раз видел старого охотника, пробирающегося в горах, но он замирал без движения на месте, и Аманчин проезжал мимо.

Слух о Белом Марале разнесся далеко по горам, и не мало опытных охотников-алтайцев старались добыть его серебристую шкуру. Но выросший среди людей, Цервус научился многому, чего не знали другие маралы, и счастливо избегал опасности.

Вскоре в горах, среди алтайцев, прошел слух, что это не простой марал. Появилось сказание о новом духе гор Арлыке, посланном самим Ульгенем, добрым духом Алтайских гор, для охраны маралов. Суеверные алтайцы прекратили свои преследования и, отправляясь на охоту, сначала молились и просили Арлыка послать им добычу. Только один Аманчин не унимался: он лучше всех знал происхождение этого Арлыка, он не терял надежды добыть Белого Марала. И теперь, возвращаясь со своей неудачной охоты, Аманчин обдумывал план новой охоты.

Охотник вернулся пешком в свой аил. Лошадь убежала домой, пока ее хозяин рассматривал следы прошедшего ночью стада маралов. От побоев раздосадованного Аманчина ее избавило только присутствие в юрте охотника воздушника, вчера приехавшего на курорт в долину. Аманчин сообщил ему, что Белый Марал опять появился на белках. После долгих совещаний было решено устроить большую облаву и добыть редкого зверя во что бы то ни стало.

Стадо Цервуса, по прибытии на летние пастища, рассыпалось в разные стороны. Беременные матки уединились, а молодые маралы и прошлогодние телята образовали свои небольшие стада. Старые самцы ушли к самой границе снегов и здесь в одиночестве должны были провести все лето.

Жизнь маралов становилась с каждым годом все тяжелее и тяжелее. Многочисленные охотники то и дело посещали белки, и не мало маралов из стада Цервуса пало под их пулями.

В облаву, устроенную Аманчином, попало стадо маток с телятами и молодежь; половина всех их была перебита.

Цервус чувствовал, что на родине он проводит последний год своей жизни

Здесь нет места благородным маралам, здесь наступает царство другого зверя — человека.

Сочные травы сырых альпийских лугов содержат очень мало соли. К середине лета у маралов испортилось пищеварение, жвачка не отрыгдалась, нос стал гораздо меньше чувствителен. Делать было нечего, выход один — спуститься вниз в долины и искать засоленные места — солонцы, где соль выступает на поверхность земли. Цервус знал это. И вот с наступлением темноты он повел собравшихся около него маралов вниз по ущелью, через чащу леса.

Целую ночь шли маралы за светлой фигурой своего вожака и к утру были в долине, недалеко от того места, где из земли выступает соль. Но солонцы привлекают не только одних маралов и коз. Целое лето алтайцы гоняют на засоленные места свои стада или увозят на телегах и вьюками драгоценные глыбы соленой земли к себе в горы.

Цервус знал небольшой солонец в стороне от других и повел туда маралов. Солонец был на открытом месте; наступило уже утро, когда они подошли

к выходу из леса. Под навесом последних деревьев Цервус остановился. Запах соли доносился до жадно нюхающих воздух маралов. Но недалеко паслись табуны овец, и разъезжали всадники.

Выйти из леса было бы безумием, и Цервус должен был употребить всю силу своей власти, чтобы удержать своих товарищей целый день под пологом леса. Брызгая слюной и жадно вдыхая воспаленными ноздрями соленый воздух, бедные животные имели мужество дождаться сумерок. Когда стемнело, Цервус первый вышел из засады и галопом понесся к солонцу. Обгоняя друг друга, маралы бросились вслед за ним. Добежав до солонца, они упали на колени и начали жадно лизать и грызть землю. Если бы Аманчин был близко, он мог бы, наконец, подойти на расстояние выстрела к Белому Маралу...

Охотник Мусса был не менее опытен, чем Аманчин, и хорошо знал обычай маралов. Он знал, что в это время года они нуждаются в соли и спускаются с гор в долины на солонцы.

На пути в долину, в лесу, хитрый охотник ежегодно устраивал искусственный солонец на одном и том же месте. Для этого он колом делал отверстия в

земле и насыпал в них соли. В 40 шагах от этого места устраивался низкий шалаш, и искусственный солонец был готов. Несколько ночей Мусса просидел в шалаше безрезультатно. Но терпение его не имело границ. На рассвете четвертого дня до чуткого уха охотника долетело похрустывание валенника; однако, вскоре все стихло. Мусса понял, что подошел марал или козел, до которого долетел запах желанной соли.

Затаив дыхание, охотник замер в неподвижной позе. Однако ни малейшего шороха не нарушало больше тишины леса. Мусса начал подумывать, что он задремал и ему померещилось. Желая осмотреть поляну, он оглянулся и вдруг вздрогнул от охватившего его страха. В тридцати шагах от него во всем своем величии стоял сам Арлык — Белый Марал, ярко залитый светом полной луны, а за ним чернели фигуры маралов его стада. Однако страх Муссы тотчас же сменился радостью, когда он сообразил, что это добрый Ульгенъ послал за его усердие Арлыка с лучшими маралами гор. Дрожащими руками алтаец поднял винтовку и, творя заклинания, прицелился в самого большого быка, соседнего с Белым Маралом... А Цервус, не подозре-

вая опасности, стоял, как мраморная статуя, и недоумевал, как мог оказаться солонец в таком необычном месте. Его притупленное от недостатка соли в пище обоняние смутно говорило об опасности, но ветерок относил запах человека, и он ничего не мог понять.

Грянул выстрел, и звук его далеко покатился по горам и ущельям в чистом воздухе...

Как ураган неслись напуганные маралы в горы, ломая валежник, перелетая через сваленные деревья и камни.

Все выше и выше поднимались они туда на белый, скорей из этого страшного леса. А один из их товарищей в это время умирал, обливаясь кровью, под ножем Муссы... Дрожащими руками охотник достал из своей сумки деревянного идола и, помазав его свежей кровью, вознес благодарственную молитву доброму Ульгеню за то, что он повелел Арлыку привести ему маралов. Вот уже четвертое утро под ряд бедный идол подвергался наказаниям черемуховым прутом за то, что плохо просил доброго Ульгена послать добычу Муссе. Теперь, обмазанный кровью убитого марала, он был бережно уложен в сумку.

Лето сменилось осенью. Перед отъездом с курорта воздушник решил устроить еще раз облаву на белках, хотя и плохо верил в возможность перехитрить Белого Марала. Большого труда стоило ему найти загонщиков, так как никто не соглашался идти на охоту против Арлыка. Мусса всем рассказал, как щедро награждает Арлык терпеливых. Наконец, десяток загонщиков, соблазненных деньгами, во главе с Аманчином двинулись в горы искать Белого Марала.

В это время маралы уже соединились в одно стадо под предводительством своего белого вожака. Еще неделя, другая, и пора было двигаться в путь. Из большого стада, пришедшего сюда весной, не осталось и половины. Охотники особенно постарались в это лето.

Вскоре след маралов был найден Аманчином, а крупные следы, выделяющиеся среди других, говорили за то, что стадо ведет Белый Марал. Два гонца понеслись в долину, а Аманчин до самой ночи пробирался по белкам, идя по свежему следу и оставляя на своем пути всякие приметы, чтобы охотники могли найти его. Ночь Аманчин провел у самого снега, не разводя огня и щелкая зубами

от резкого осеннего ветра. Утром он осторожно двинулся по следу дальше.

Вскоре, поднявшись на хребет, он увидал стадо. Маралы мирно паслись, разбредясь по склону, молодые телята весело прыгали и бодались. Часть маралов лежала, пережевывая жвачку. Только фигура Цервуса была воплощением внимания. Его уши были настороже, и он все время озирался, держась подальше от опушки леса, расположенной снизу от стада. На этот раз Цервус не замечал, что из-за гребня горы за ним следят глаза врага. Вскоре по другую сторону хребта прибыли остальные охотники.

Маралы между тем наелись и разлеглись по склону, очевидно предполагая провести здесь день. Рядом с головой Аманчина из-за гребня показалась голова самого воздушника, и глаза его впились в фигуру Белого Марала. План охоты быстро был решен. Загонщики должны были зайти сбоку, издалека, снизу в лес, который был ниже маралов, чтобы по сигналу выйти из леса широкой цепью на опушку. Маралы, конечно, бросятся наверх. Как раз от того места, где отдыхало стадо, наверх шла лощина, поросшая редкими деревьями.

Было ясно, что маралы пойдут именно по лощине, так как гребней и открытых мест при преследовании они избегают. Вверху, в конце лощины, встали с ружьями охотники. Все было рассчитано как нельзя лучше. Именно в лощину и бросился Цервус, громко фыркнув, при появлении загонщиков внизу. Легко прыгая через камни, неслись маралы вверх по лощине за своим вожаком. Цервус мчался вперед, высоко подняв голову и тревожно вдыхая воздух. Легкий ветерок дул на встречу, запах людей, стоящих вверху лощины, заставил его во-время остановиться и предостерегающе фыркнуть. Маралы повиновались и замерли на месте, поводя ушами и боязливо озираясь назад. Но хитрый Аманчин предвидел, что Цервус может зачуять охотников, и поэтому велел двум всадникам, как только маралы войдут в лощину, показаться из-за гребней с обоих ее боков. Сзади будут загонщики, с боков всадники, маралам оставалось только броситься вперед.

Но запах невидимых людей, где-то близко впереди, был слишком угрожающим, и Цервус не мог решиться, что делать. Между тем загонщики уже вошли в лощину. Маралы были в западне. Несколько молодых маралов не выдержали

и бросились в сторону, не смея бежать вперед, так как вожак загораживал путь. Но тотчас же небольшое облачко окутало фигуру всадника, и по лощине пронесся звук выстрела. Маралы вернулись обратно к стаду, один из них жалобно мычал, мотая окровавленной головой.

Загонщики были уже совсем близко, а Цервус все еще не мог решиться.

Гортанные крики алтайцев и запах свежей крови напомнили ему маральник и загонщиков, гнавших его в станок.

Неудержимое бешенство овладело всем его существом. Мощные передние ноги судорожно рыли землю, белая пена хлопьями полетела изо рта... Вдруг глухой рев огласил лощину, и громадный Белый Марал, с низко опущенной головой, вооруженный великолепными рогами, бросился прямо на загонщиков, готовый уничтожить все живое на своем пути. Остальные маралы слепо следовали за ним.

Ужас охватил алтайцев, когда они увидали самого Арлыка, с глухим ревом мчавшегося прямо на них. Как кошки бросились они к деревьям и полезли на них. Вихрем налетел разъяренный Белый Марал на одного из загонщиков и

ничто не спасло бы обезумевшего алтайца от гибели, если бы он не успел подняться на кедр достаточно высоко. На всем скаку Цервус остановился под деревом, вращая налитыми кровью глазами и брызгая пеной. Но мчавшиеся за ним маралы, не рассчитав остановки, налетели на Цервуса, сшибли его с ног и устремились в лес. Цервус вскочил на ноги и неторопливой рысью побежал вслед за стадом.

Загонщики сидели на деревьях, дрожа от страха. А в конце лощины ругался воздушник с курорта...

Цервус увел навсегда свое стадо из этой местности. Для маралов не существовала более их родина. Белый Марал сумел найти для них новые безопасные летние пастбища в далекой Монголии.

CHYR

